

18+

Пол Янски

# *Укрываясь Тенью*



# Пол Янски

## Укрываясь Тенью

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=29607872](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29607872)*

*ISBN 9785449040145*

### Аннотация

Если жизнь твою накрыла тень и ты почти решился, но всё же есть еще немного времени, то обязательно прочти. Надеюсь, ты найдешь ответы на свои вопросы. Эта книга одновременно простая и сложная. В ней нет напыщенных героев. Нет небылиц и сказок. Нет великой неразделенной любви. Но есть то, что близко именно тебе.

# Содержание

Письмо	5
Дракон	20
Телескоп	57
Конец ознакомительного фрагмента.	72

# Укрываясь Тенью

Пол Янски

© Пол Янски, 2024

ISBN 978-5-4490-4014-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Respice post te!

Nominem te memento!<sup>1</sup>

---

<sup>1</sup> «Обернись! Помни, что ты – человек!» (глава 33 «Апологетики» Тертуллиана).

# Письмо

Если ты читаешь это, значит, я уже умер. А если не читаешь, тогда я зря потратил десять минут своей жизни и мог повеситься раньше. Или что я там сделаю. Я еще не придумал. Вообще очень важно не тратить жизнь попусту, поэтому я решил... Нет, серьезно, почему ты еще не читаешь это письмо? Где ты ходишь? Можно было и предупредить, что задержишься, перед тем, как я решу его написать.<sup>2</sup>

Что я хотел сказать напоследок. Главное в жизни найти цель. Помнишь, как я нашел свою? Прибилась ко мне на улице, голодная, еле дышала, заглядывала в глаза и просила помощи. Ну, ничего, отмыл, откормил. И стала цель для меня значимая, еле в форточку пролезала. Как же она меня радовала. И я всегда шел к ней. Ну, а если б я ее купил? Так же фальшиво, как счастье на развес: холодное, сладкое, тягучее. Но быстро тает, оставляя после себя лишь воспоминание. И уже ты снова несчастлив. Почему-то все вещи, которые добываешь сам, гораздо ценнее и важнее тех, которые ты купил или тебе подарили. Да мне счастье никто и не дарил.

Десять минут прошли, а ты еще не читаешь мое письмо. Знаешь, как сложно писать? Мысли в голове кишат клубком червей, а ты пытаешься вытащить пожирнее и насадить

---

<sup>2</sup> Здесь и далее адаптация иноязычного текста.

его на крючок. Первый, второй, третий... и всё. Ступор. Сидишь и смотришь на этот клубок, а достойных твоего крючка, на котором прежде висели выигравшие в соревновании, уже нет. Вот сам я никогда не любил соревноваться: радости не приносит ни победа, ни поражение. Всегда найдется тот, кто жирнее и длиннее тебя. А я не хочу быть самым жирным на крючке. Я хочу просто жить. Но сегодня я умру. Я решил.

Эта идея родилась уже давно, просто я не говорил тебе. Роды проходили мучительно, но, когда она появилась на свет, одновременно наступило облегчение и радость от того, что я теперь не один. А сегодня она стала взрослой. К сожалению, другие мои идеи так и не выросли: кто-то умер подростком, кто-то в младенчестве. Были и мертворожденные. Хочешь примеры? Ну, вот как тебе идея лотереи: берем одно хорошее настроение и сотню плохих, перемешиваем. Тяни! В итоге одному играющему достанется хорошее настроение, остальным же плохое. Мне кажется, в этом суть любой лотереи, тогда зачем лишние звенья? Еще я знаю, как решить любой военный конфликт. До его начала нужно определиться, сколько солдат погибнет с каждой стороны с учетом военной мощи противников. А затем жребием выбрать и расстрелять необходимое количество. В итоге получим отсутствие разрушений и жертв со стороны мирных жителей. Странно, что меня посчитали сумасшедшим. Почему-то самую войну никто не считает сумасшествием. Кстати, познакомься, следующий покойник – фотоаппарат-перевод-

чик. Работает так: направляешь его на иностранцев, шелк, а на фотографии уже все свои, земляки. Думаю, это помогло бы сгладить наши отличия. И вот уже китайца не отличить от корейца, итальянца от испанца, а русского от белоруса.

Или хорошо было бы создать такой город, где все тебе близко и понятно. Только представь. Организовываешь кампанию по отбору кандидатов. Выставляешь требования. Кто подходит, может жить в этом городе. Такой город идеальных для тебя людей, где каждый разделяет твои интересы и мысли, с каждым есть общие темы, никто не врет, не спорит. И всегда светит солнце. Но время идет. Им становится скучно, и они женятся. Всегда есть момент, которого ты не учел. И у идеальных родителей появляются неидеальные дети, которые уже не согласны с тобой. А на твое предложение выселить из города не понимающих тебя, возмущаются и те, и другие. И они уходят. Сначала одни, потом еще и еще. Остается тысяча, сто, десять, и вот ты уже стоишь на площади посреди большого идеального города, а вокруг никого. Но нужен ли тебе этот город без тех людей? Так ли он теперь идеален? Да и нужно ли столько одинаковых, похожих друг на друга? Мне бы хватило и одного.

Как хорошо было бы собрать человека из нужных тебе свойств и качеств. Основа, конечно же, верность. К ней пришиваем доброту и уважение. Нарациваем ласку и нежность. И вдыхаем любовь. И ты думаешь, что рад, да? А потом это создание душит тебя в своих сильных любящих объ-

тнях, потому что ты опять чего-то не учел. Поэтому у нас есть только два варианта. Либо брать, что дадут, поработав немного инструментом, пообтесав под себя. Тогда ты можешь получить необходимое, а можешь сломать инструмент и потратить зря время и силы, после чего уже отпадет любое желание. Либо же ты можешь надеть старую потрепанную накидку, взять посох и отправиться в долгий путь. Истоптав в кровь ноги, разбивая чужие сердца и рая свое, уже почти разуверившись, ты обязательно найдешь то, что искал. Главное – знать, куда ты движешься, зачем и не пропустить нужный поворот. Каждый должен сам решить, что ему ближе. Каждому свое.

Однако есть у нас и общее: стремление к счастью, которое всякий, к сожалению, понимает по-разному. Только дурак тот, кто думает, что счастлив без любви, дарующей его после душевных страданий в тоске и одиночестве, словно выздоровление дарит радость и облегчение после долгой и мучительной болезни. Лишь болевший ценит здоровье, лишь страдавший ценит счастье. Но знай, дурак, не заменить его дурманом. Ни дурманом славы, ни дурманом денег, ни каким-либо другим. Хотя вряд ли он это прочитает. Дураки не читают, они пишут книги. Берут белую бумагу из столетней красавицы-сосны, перо из гуся, пускай не такого красивого, зато жирного от интенсивного кормления, усаживают в кресло из кожи гордой коровы с грустными глазами, наливают себе богатый ароматами кофе, собранный дешевой

рабочей силой, делают умный взгляд – это обязательно – и, поглаживая свою очень дорогую собаку очень ценной породы, пишут всякую ерунду. Просто исторгают тонны накопившегося в мозговом кишке на девственно чистые листы. Ну, а так как у меня нет собаки, нет кожаного кресла и пера из гуся, то можно сделать обратный вывод, что я и не дурак. Мне кажется, это достаточно простое умозаключение.

Вообще люди часто любят всё усложнять. Их заботят извечные вопросы «в чем смысл жизни?», «есть ли бог?», «есть ли любовь?», «когда зарплата?». Так вот. Запомни ответы и передай другим, так как по некоторым причинам я это сделать не смогу: «в счастье», «да», «да», «не позднее 15 числа». Думаю, я сейчас решил все мировые споры. Я даже вижу, как люди берутся за руки и выходят водить огромный хоровод. Преступники исправляются, дети не капризничают, молодые уважают стариков, старики не докучают молодым, политики не врут...

Погоди, я просмеюсь. Уходить из жизни нужно обязательно с серьезным выражением лица. Чтобы все понимали, как я страдал, как им будет плохо без меня. Ну, а если уйти с улыбкой на устах, захотят еще последовать моему примеру. А там, я полагаю, и так тесновато. Если учесть, сколько народа уже умерло за тысячи лет, пусть даже распределение идет поровну (хороших к папе, плохих к какому-то дяде), там большие проблемы с пробками и жильем. Поэтому я поспешу занять хоть какое-то место. Ну, или всё совсем пло-

хо, как в лифте в час пик, и мне придется дышать в чью-то подмышку пару веков, пока я не повернусь и не заставлю дышать другого своей подмышкой. А если я попаду к дяде? Так еще и свет выключат. А у меня большие шансы теперь попасть именно к нему. Какие адские котлы, какие вилы? Пару веков в лифте без света с разными маньяками и прочими дурно пахнущими субъектами. Почему пару, спросишь, что дальше? А дальше выпускают на волю, где свежий воздух и яркое солнце, скажут, что навсегда, а через пять минут, не дав толком проветрить легкие, обратно в лифт к тем же товарищам. Почти так же кошмарно, как ожидание смерти приговоренным в течение долгих лет, только в моем случае смерть уже была, а облегчение не наступит.

Страшась этой жуткой неизвестности, люди обычно делятся на два типа в отношении смерти и посмертия: «готов на что угодно, чтобы попасть в свет» и «закрыв глаза, я не вижу, значит, и меня не видят». Те же, кто всё отрицает, просто посильнее зажмурились. Но монстр под кроватью дышит, и глаза его сверкают. А я не отрицаю монстра, я отрицаю кровать. Я готов увидеть чудище в полный рост. Ведь у него, как у любого зверя, есть свои страхи. Да и в свет я не особо стремлюсь.

Кстати, тебе не кажется, что Он очень похож на плохого хозяина, который держит двух одинаково глупых собак с разницей лишь в том, что одна дерет ему мебель, грызет тапки, везде гадит, а вторая на вопрос хозяина «какая сво-

лочь из вас это сделала?» поджимает хвост, опускает уши и скулит. В общем, делает виноватый вид. Как думаешь, кого из них постоянно наказывает хозяин? И кто в следующий раз опять опустит уши? И, может, уже хватит скулить и прятаться от Его наказания?

С другой стороны, может, смерть – это оно и есть? Наказание за нашу слабость, за наше неверие в себя? Так же, как болезнь наказывает нас за хандру и уныние. Смерть – тоже болезнь. Может, просто со временем мы сами так сильно начинаем ее ждать, что она приходит? Смирившись, впускаем ее в себя. Или просто делаем это своими руками. Так ведь проще.

Наверное, ты думаешь, что у меня всего лишь плохое настроение, раз я решил на такое? Конечно. Просто, пока я ждал тебя, наступила ночь. А ночью только темные мысли лезут в голову. Хотя что вообще такое плохое и хорошее настроение? Повысился уровень серотонина – и вот запели птицы, засветило солнце, а все люди стали братьями; понизился – и солнце стало слепить, птицы раздражительно чиркать, люди вокруг ненавидеть друг друга, а ты уже с петлей на шее или пистолетом в руке. И вот так катаешься по этим американским горкам: сначала вниз в пропасть уныния и отчаянья, потом карабкаешься вверх на пик радости и счастья. Только с каждым разом пики всё круче и острее, пропасти всё глубже, а рельсы смазаны маслом. Чувствую, в этот раз мне уже не удастся забраться.

И не обвиняй меня в субъективности. Уж слишком сильно на наше мировосприятие влияют концентрации всяких веществ в организме. И почему мне хочется кричать? Кажется бы, нет «объективных» причин. Значит, надо пить литий и слушать классическую музыку. Но откуда другим знать «объективные» причины? Они тоже зависимы от своих веществ. Может, это им нужно что-то пить, чтобы видеть истину? Но раз их большинство, то они априори правы. Всегда прав тот, кто сильнее и кого больше. Просто мне не повезло с моими веществами, а им повезло.

Смерть же избавит меня от предвзятости, очистит сознание. Вопрос лишь в том, будет ли мое сознание там, за горизонтом? Это самый трудный для меня вопрос. Смотри. Я умру. Это понятно. Мое тело исчезнет. Это тоже понятно. Но вот это понимание себя, что я есть я, куда оно денется? Нет, не мои воспоминания – всё забывается. Не мои мысли, которые сегодня есть, а завтра не до них. И не чувства, которые со временем притупляются. Вот это ощущение сидения в коробке из костей и плоти и наблюдение всего со стороны, куда оно пропадет? Куда денется весь тот мир, что я ношу с собой, на который я смотрю? Ведь он есть, пока есть я. Или всё же смерть – лишь мнимая грань между жизнью этой и той? И за ней нет пропасти, просто продолжение пути.

Сама жизнь потеряет смысл, если не будет смерти. Может, смерть – это и есть смысл жизни? Тогда надо изгнать страх и переступить черту. Но нам твердят: пока есть силы, надо

бороться и идти вперед. Неважно, что цель привязана к палке, которая привязана к спине. Неважно, что сама цель уже давно неинтересна. Но раз обозначил ее, надо во что бы то ни стало достичь. И, как осел, тянуться за своей морковкой. Ну, или умереть. Я, конечно, выбрал второе. Я же не осел. Я больше не хочу быть выучным животным, которое ищачит за еду. Потому я выпал из системы. Система всегда исторгает из себя инородные элементы, как кишечник больного дизентерией. Иначе она погибнет. А те, кто остался в ней, в этой прямой кишке, продолжают упорствовать в достижении заветной морковки. Некоторым, в чью сторону был ветер, и поэтому она отклонилась и стала ближе, даже удалось немного куснуть оранжевый корнеплод. Но, не видя ветра, они думают, что сами добились этого. И теперь эти ослы налево и направо раздают советы из серии «сто способов приближения морковки», «измени себя – и морковка станет ближе!», «весь мир – поле морковок, нужно только захотеть!». А еще весь мир полон ослов... Нет, я не говорю, что нужно сидеть на берегу реки и ждать, пока прибудет какое-нибудь дерьмо. Просто открой пошире глаза, верти головой, не стой, когда нужно идти, и не беги, когда нужно переждать. Иначе жизнь размажет по стеклу и смахнет дворниками. И останешься лежать в пыли на обочине рядом с другими такими же неудачниками. Слой за слоем пыль от проезжающих мимо машин покрое тебя. Твои следы заметет. А тебя забудут.

И вот тогда ты действительно умрешь. Что останется по-

сле тебя? Твои мечты? Твои желания и стремления? Думаешь, они кому-то нужны? Может, твоя удачная карьера? Не расстраивай родственников. Оставь пожитки и вали скорей. Нет ничего? Тогда уйди в лес и умри там, чтоб хотя бы не пришлось возиться с твоим воняющим, распухшим, посиневшим телом. А ты, наверное, надеешься, что о тебе будут плакать и вспоминать с грустью и иногда со светлой улыбкой? Не будь наивен. Над тобой будут ржать! Может, повесят твое посмертное лицо где-нибудь на фонарном столбе и, уж поверь, проходящие мимо зеваки прокомментируют тебя по полной. «Еще одним идиотом меньше». «Ну, и рожа». Какое? Запомни, всем друг на друга плевать. Если тебе улыбнулись, то только потому, что хотят иметь с тобой половые связи, причем в самой грубой форме. И уверяю, ты не получишь удовольствия. Если тебе открыли дверь, то только затем, чтобы пропустить вперед, а потом дать по голове и обшарить карманы. Если тебе помогли, значит, хотят что-то получить от тебя. Ну, ты уже в курсе, что и как. А ты будешь лежать в луже собственной крови, а, может, и еще чего, и медленно умирать. Соседи в страхе за свою шкурку отведут свои мелкие глазенки, чтобы лишний раз не пугаться, быстренько перешагнут через тебя, чтобы, не дай бог, не испачкаться, и маленькими шажками побегут в свою квартиру. Там они плотненько закроют дверку, обязательно на все замочки. И забудут о тебе. Вот и всё. В таком мире ты хочешь оставить меня жить? Перед такими людьми я должен

умирать?

Нет, не хочу быть зарезанным, как свинья. Если уж умирать, то с оружием в руках, защищая своих близких или идею. А я-то готов защищать любую свою идею. Благо, их у меня поднакопилось порядком. Дал бы кто оружие, а я бы уж так защитил. Но не дают. Боятся чего-то, видимо. Хотя чего они боятся? То, что я стану стрелять? Глупо. Страх последствий контролирует нас гораздо сильнее жажды отмщения и справедливости. Чуть что, перед глазами уже рисуется суд, решетка, темный угол и ласковые сокамерники. Страх заставляет нас быть слабыми и терпеливыми. Нам говорят, что страх – это нормально, что страх – это защитная реакция, что без него мы бы просто погибли. Знаешь, понос ведь тоже защитная реакция. Но страдать от поноса всю жизнь явно не может быть биологической нормой. Так почему же всю жизнь бояться – это норма для них? Просто они хотят, чтобы я был таким. Родиться, чтобы всю жизнь озираться по сторонам, трястись, прятаться под плинтус, как бы что не случилось, а потом забиться в свою норку и умереть? Чтобы о моей смерти узнали через пару дней по сильному запаху гниения? Ну, уж нет. Умирать нужно, словно взрыв сверхновой: ярко и быстро. И разлететься лучами в разные стороны, освещая окружающий мрак ярче всех звезд в галактике. Чтобы и через тысячу лет о тебе помнили. Звезда светит, чтобы ее видели. Человек рождается, чтобы его помнили. И чтобы умереть.

Скажешь, я не ценю жизнь. А что ее ценить? Она же досталась на халяву. А кто и когда ценил халяву? Подобрать кошелек, так прокутить. Получить в наследство дом, так пускай сгорит дотла. Родиться, так с легкостью умереть. Люди ценят только то, что осталось у них последним. Но пока у меня, в придачу к жизни, есть много чего: да хотя бы совесть. Вот когда, кроме жизни, у меня больше ничего не будет, тогда, может, я и буду ей дорожить и дрожать над ней, как над добром. Но не сегодня.

Знаешь, – а ты точно знаешь – нас окружает огромный мир с бессчетным количеством законов, по которым мы вынужденно живем и которые придумали явно не мы. Один такой закон делит нас на везунчиков, которым не надо прикладывать усилий для жизни в радости, и на тех, чьих усилий никогда не хватит, чтобы получить свое счастье.

Другой закон гласит: определенная стадия нашего прогресса приходит вместе с соответствующей стадией нашего сознания. Первобытные люди не понимали, что такое колесо. Дай им его, они вертели бы его в руках, не находя применения. Это была бы технология сверх их понимания. Смена сознания дала доступ к первым орудиям труда, огню и тому же колесу. Люди когда-то не помышляли о скоростях быстрее бега лошади. Шагнув дальше, разум лишь копировал реальные объекты: подняться в небо мы пытались, яростно махая крыльями, как птицы. Теперь мы на пороге космоса, но с трудом можем вырваться за пределы нашей орбиты,

а уж о выходе за пределы звездной системы и помышлять нечего. Всему виной оно – наше сознание. Оно еще прыгает с ветки на ветку и пытается убить добычу голыми руками, хотя вокруг полно камней и палок. Нет чтобы взять оружие помощнее, да? Так вот, как только мы поймем, что и убивать не нужно, тогда рубеж падет, а нам откроется дальний космос. И потому бесцельно ждать тарелки с серыми посетителями (ну, или зелеными – кому какие привидятся). Если они смогли вырваться за свои пределы, то точно не для того, чтобы попасть в пределы нашей ограниченности. Таракан не поймет человека, как и человек не поймет таракана. И по той же причине не будет звездных войн и переделов галактик. Если мы достигнем той ступени сознания, нам это станет не нужно. И других звезд мы до тех пор не увидим. Возможно, это и есть баланс Вселенной. А может быть, больше и нет никого. И мы единственные. Одиночество каждого отдельного человека складывается в наше общее одиночество. Так мы и ходим каждый сам по себе и варимся в своих мыслях, как в бульоне. А я, видимо, уже окончательно сварился.

Может, вообще наше существование стало ошибкой или случайным стечением обстоятельств расположения звезд, планет, их размеров и масс с вероятностью равной вероятности появления мозоли на руке английской королевы. А это очень маленькая вероятность, поверь. Такая же маленькая, как долго и счастливо прожить эту жизнь. Просто пока ты

молод, ты надеешься, что всё еще будет хорошо, жизнь изменится к лучшему, но со временем ты понимаешь, что это иллюзия. Ребенок рождается с верой в то, что он бессмертен и всесилен. Всё знает и понимает. Но жизнь идет своим чередом. Таких детей, как он, миллиарды. И вот с каждым днем вера его в собственное могущество становится всё меньше и меньше, и он начинает стареть. Посмотри на печальных стариков, одиноких и забытых. Они слишком поздно поняли, что нет смысла надеяться на лучшее. Нет смысла верить и ждать. Если сегодня плохо, то завтра будет еще хуже. Старость – есть поражение веры в себя. Мне повезло, я понял это раньше. И я решил, что не хочу медленно превращаться в дряхлеющего, слабеющего, забывающего, ноющего, кряхтящего, гундящего, никому не нужного, сморщенного себя. Вся наша жизнь – приближение смерти. Поэтому сегодня я уйду. Не буду затягивать этот довольно-таки скучный процесс. Шагну в неизвестность со своего шаткого мостика жизни. И буду надеяться, черт возьми, что меня кто-нибудь поймает.

Какое-то длинное письмо получилось. Тебе, наверное, наскучит его читать. Но ты уж постарайся, для тебя это не так сложно, я-то знаю. Я же не первый, кто пишет тебе. Ведь, как и любой разговор человека с самим собой, мое письмо – разговор с Тобой. Даже у тех, кто не видит тебя, осталась эта возможность. Главное, не говорить с тобой постоянно, а то поселят в особую молильню с мягкими стенами и одеждой,

пошитой по странной моде, с длинными рукавами. А вообще, люди, как дети, пытаются делить добро и зло, созидание и разрушение, рождение и смерть. И за каждую мелочь у них отвечает свой герой. Специализация. Хорошо, хоть больше не представляют богов мечущими молнии и кружащими шторма. Но мы-то с тобой знаем, кто за всем стоит. Наверное, тебе дико смешно наблюдать за нами. Особенно за нашей глупостью. Веселишься каждый день. Я тебя тоже сейчас повеселю.

Ну, вот я слышу твои шаги. Они пульсом стучат в моей голове. Свет красными лучами сквозь утренний туман озарил мое окно, окрасив капли на нем в кроваво-алый перелив. Наконец-то, ты здесь. Я чувствую. Значит, мое письмо всё-таки будет прочитано.

# Дракон

Мгла поглотила тот город. Серая земля стелилась на миллионы шагов вокруг. Свинцовое небо лежало на Его плечах и заставляло преклоняться. Пыль и туман перемешивались, становясь плотным облаком, и не давали пройти. Про солнце Он никогда не слышал и уж тем более не видел его. Птицы не желали петь, только летали кругами и ждали от жестокой судьбы кровавого угощения. Казалось, что нет там и времен года: просто зимой мгла становилась плотнее и осязаемее. И только большая луна в небе, похожая на голубой кошачий глаз из-за давно расколовшей ее трещины, как будто наблюдала за всем свысока.

Жизнь Его мало чем отличалась от города: такая же серая и однообразная. День шел за днем, год за годом. Не менялось ничего, кроме количества седых волос. Счет пройденному времени он уже не вел. Но сегодня настал особый день, когда Он должен отыскать и поразить древнего Дракона. Традиции такой на той земле были многие века. Каждому в своей жизни нужно победить самого страшного чудовища. Проблема состояла лишь в том, что Он не знал, ни каким дракон будет, ни от какого оружия может погибнуть. Про себя Он тоже помнил мало: ни кем был рожден, ни кем любим, ни кем покинут здесь навсегда. Только медальон на груди с именем К`атор Ладби пытался напомнить о чем-то очень

важном. Но это зарылось так глубоко в его голове, что откопать стало вовсе невозможно.

Подпоясавшись, как обычно, веревкой, на которой раньше вешали преступников, надев маску, защищавшую от смога, он стал на свой путь. Рядом, как и всегда, был Его верный спутник, пес о трех ногах, пристегнутый к нему на длинную цепь. Путь их лежал через каменную долину среди стервятников и таких же путников, как они. Уже не раз пытался он достичь цели, но каждый раз возвращался.

– Куда идем мы? – спросил его пес, весело виляя хвостом.

Хвост у него пушился, как метелка, а глаза были безумно-задорные, как будто принадлежали не обычной собаке, а обладающей радужным зрением.

– Видишь серую линию, где смыкается серая земля и серое небо? Наша цель как раз за ней.

И К`атор зашагал, оставляя глубокие следы в пыльной дороге. Название «дорога» было достаточно условным. Понять, что ты сбился с нее, получалось, лишь увязнув в сугробах пыли по пояс. Шли по ней, скорее опираясь не на зрение, а на сердце. Да и видно иногда становилось не дальше вытянутой руки.

– Думаю, я знаю, почему на дороге пыли меньше, чем в стороне, – сказал Он с прищуром спутнику, – это твой хвост разметает ее туда-сюда. Не ходи мы здесь, осталось бы лишь поле пыли вокруг.

Что это за пыль, никто толком не знал. Она лежала по-

всюду, иногда, как снежинки, падала сверху, иногда ее носило взад-вперед. То вырастала торосами, то стелилась безбрежной гладью. Может, это были разрушенные и измельченные силой ветра каменные столбы, стоящие везде и всюду и напоминающие о прошлых сражениях, а может, прах навсегда уставших путников. Кто-то говорил, что это луна вместе с голубым сиянием отправляет вниз миллионы своих частиц. Хвост безразлично сметал всё в сторону. А пыль так и продолжала покрывать округу: дорогу, путников и, кажется, даже воспоминания.

Иногда можно было наткнуться на странников, идущих в том же направлении, переживающих или отдыхающих. Хотя обычно они стояли, раскинув руки, и безумно смотрели влево и вправо, пытаясь понять, куда идти. Вот и сейчас Он прошел мимо такого.

«Каждый сам должен выбрать свой путь», – пронеслось в его голове.

А пес ничего не подумал, только махнул хвостом на прощанье. Еще ни разу не встречал К'атор этих несчастных на обратном пути. Находили ли они свою дорогу, или тонули в пыли. Или, может, превратились они в эти чертовы каменные столбы, стоящие, как деревья в лесу, и мешающие пройти, чьи остроконечные пирамидальные вершины будто указывали на звезды там, за плотной толщей тумана и висящей в воздухе пыли. Иногда столбы стояли по несколько штук рядом, как будто имели общие корни. Пройти мимо таких

и не удариться о них было почти невозможно. К тому же туман изредка становился настолько плотным, что, обволакивая, делал их еще больше. Поэтому Он всегда надевал свои старые боевые доспехи, которые представляли собой тяжелые свинцовые пластины, похожие на лепестки, соединенные внахлест и испещренные следами былых, но забытых, боев. И шел Он так под грузом минувших дней, рассекая густой смог и покрываясь пылью. Временами плотная завеса рассеивалась, и Ладби мог отдышаться и осмотреться.

– Свет. Значит, хижина, – сказал Он, и пес радостно умчался вперед.

Там вдалеке оказался трактир. Деревьев в округе не росло. Поэтому стены его были грудой сваленных сломанных столбов, а крыша сложена из чьих-то уже ненужных лат, покрытых толстой шапкой каменной пыли. Дождей в сером мире отродясь не шло, но крыша хотя бы немного защищала от пылепада.

Шум от трактира становился всё отчетливее с каждым шагом.

– Запыю пыль, – с такими словами открыл путник двери хижины.

В нос ударил резкий запах. Толпа пьяных орущих скотов, единственным достоинством которых было количество выпитого. Раскисшие, распухшие рожи на столах, под столами. Странники, воины. Слабаки. Брошенные на пол доспехи и остатки человечности. Воздух наполнялся дымом, который

выдыхали посетители, изрыгая его, как уставшие драконы, у которых уже нет сил, чтобы дышать огнем. Дым, клубясь, поднимался вверх и, остывая, осыпался пеплом вниз, на головы и плечи присутствующих.

– ...нет, я тебе говорю, – донеслось откуда-то из угла, – он зеленый и мечет молнии из пасти!

– Да где ты таких видел? Не смей меня, – противился второй голос. – Если б ты читал книгу старого путника, то ты бы знал, что таких драконов у нас не было отродясь.

– Ты еще скажи, что его можно мечом убить! – и захохотал.

Заулыбавшись беззубыми ртами, пьяницы дружно стукнули жестяными кружками с мутной жидкостью и выпили их содержимое залпом до дна. Пройдя мимо них, Ладби подошел к стойке.

– стакан воды, – сказал Он бармену.

– Мужчины пьют спиртное. А воду можешь пить оттуда, – бармен указал на ведро на полу и заржал, а его ржание подхватило местное отребье.

И поставил на стойку стакан мутной жидкости.

– Мужчины... Посмотрим, остались ли они здесь, – на этих словах К`атор плеснул жидкость в пасть.

Глаза засверкали, шерсть вздыбилась, оголились клыки.

– Раз нет воды, напоите кровью.

Спустя время толкнув резко дверь, Он вышел и пошел дальше по дороге, мая пыль ногами. Пес нагнал его через

тысячу шагов. Так и продолжили они свой путь в никуда. На трактир вдалеке лег багрянец, медленно крадучись снизу вверх, а затем и под ним, вокруг него, пропитывая собой окружающую пыль. Над хижинкой кружились стервятники, почуяв сладкий запах разочарования и отчаяния. Тишина окутала трактир липким алым цветом.

Долго шли они еще в тишине. Усталость налила свинцом его латы, шаги стали медленнее.

– Ночь, – сказал Он Псу и сел в пыль, закрыл забрало и упал.

Пес лег рядом. Каждый раз Ладби умирал посреди этой пыли. И каждый раз возрождался.

И каждый раз Он попадал в тот чудесный яркий красочный мир, которого никогда не существовало. Он бежал по сочно-зеленой траве. Светило весеннее желтое солнце, теплое и ласковое. И даже птицы были другие. Они пели, заливая своим нежным пением всё вокруг. Как будто мягкая перина окружала его. И какая-то до боли знакомая пожилая женщина издали махала ему рукой. Она держала кувшин, в котором всегда было молоко для него. И вот он бежал, бежал, наполняя своим радостным детским смехом воздух. А она всё так же стояла и махала ему рукой.

И чем дальше он бежал, тем гуще становился воздух, сжимался плотнее, мешая ему двигаться. Небо темнело, сбегались тучи. Уж не пели птицы, не светило солнце. И той женщины больше не было видно.

Был ли это сон? Он не хотел в это верить. Ведь там Его всегда ждала та, которая любила несмотря ни на что. И он верил, что когда-нибудь всё-таки сможет добежать до нее, что у него получится еще раз взять ее за руку и уйти домой.

Или сном была его жизнь? Его существование посреди серой мглы.

Громким лаем разбудили Ладби. Пес липким грязным языком лизал его маску. Может, только Пес и возрождал его? Другие падали в пыль и уже никогда не поднимались. А теперь встать и идти. Снова по безбрежному полю серой пыли. И снова каменные столбы вокруг.

Сколько еще они шли, не разбирая пути. Не видя почти ничего и натываясь на преграды. Но вот пыль немного рассеялась, и Он смог увидеть вокруг таких же путников. Стояли они, опершись друг на друга, на столбы, сидя прямо в пыли, лежа, почти погребенные ей. Едва уже пройдя, как обычно, мимо, услышал Он оклик.

– Стой! – с надрывом крикнул один из них. – Куда ты идешь?

Этот странник увяз по колени в пыли и уже не мог идти, а может и не хотел.

– Туда же, куда ты не дошел.

– К Дракону? Да это всё сказки. Неужто ты думаешь, что мы все тут дураки и слабаки, что не нашли его? Слышите, братья, он думает, что есть Дракон, – и закричал от смеха. – А где он, твой Дракон? Покажи! Вот прямо сейчас покажи,

или нет его!

– Если пыль тебя накроет с головой, тебя тоже не станет?

– Может, ему помочь? – протявквал Пес, виляя хвостом по земле.

– Ах, ты! Я только выберусь, и ты увидишь, кого тут не станет!

– Ну, для этого сначала нужно достичь первой цели – выбраться.

– Постой... я знаю, чем можно его убить, – почти прошептал второй, – иди дальше и через семь тысяч шагов увидишь пустынную ведьму. Она не пускает путников к Дракону. Говорят, она единственная может убить его, ведь есть у нее волшебный амулет из лунного камня ноокарта.

– Да нет никакого Дракона, – перечил первый. – И про амулет этот слухи! Сам-то видел его? Ты даже до ведьмы не дошел! А я там был. Нет там никакой ведьмы! Ни через семь тысяч, ни через десять. Так что иди назад, – обратился он к К`атору, – возвращайся в свою хижину и жди восхода новой луны, – а пыль всё заметала говорящего.

Но Путник продолжал идти, таща пса за собой, переступая через занесенных прахом. А столбов при этом как будто становилось больше. И пес всё больше цеплял их своей цепью. И уже откуда-то далеко позади доносилась траурная песня погребаемых заживо: их крики, стоны, мольбы. И небо от стервятников становилось гуще и чернее. Чем дальше шли они с псом, тем звуки становились приглушен-

нее.

И вот наступила тишина. Он оглянулся, но не увидел никого, кроме столбов и плотного окутывающего тумана. Только стервятники сидели на столбах и клевали их.

Так путники ступали в окружающем беззвучии и молчании, казалось, вечность, что ночь сменяла день не один раз. Но вдруг, как будто из ниоткуда, перед ними показалась фигура. Сначала Ладби подумал, что это очередной столб, и уже сделал шаг в сторону. Как тут и столб сделал шаг в сторону, преграждая путь.

– Нет дальше пути, – медленно сказала фигура в черном.

Ее одеяние походило на длинную накидку, волочащуюся по земле. Ткань была тяжелой и переливалась черным перламутром. Лица фигуры не было видно: ее скрывал большой капюшон. И куда бы фигура ни поворачивала голову, ее лицо всегда оставалось в тени.

Путник повернул и зашагал быстрее, насколько это возможно, но фигура неожиданно возникла перед ним.

– Поворачивай назад, – снова так же медленно произнесла она.

Он, было, замахнулся на фигуру, как она вмиг исчезла. Но через мгновение появилась вновь на шаг дальше.

– Как ты не понимаешь, – тяжело вздохнула фигура, – ты должен вернуться назад.

– Почему?

– Такие, как ты, должны быть там, – и она показала в сто-

рону столбов.

Из-под накидки показалась такая же черная рука, сухая, словно кости, обтянутые кожей.

– Куда ты меня не пускаешь? Что там дальше? – гневно спросил Путник, выдохнув через забрало то ли пыль, то ли туман.

Сквозь маску были видны его глаза, полные решимости.

– Там нет ничего, – повторила фигура, и в тот момент Пес с утробным рыком бросился на нее, но она взмыла в воздух, взмахнула подолом накидки, как крыльями, и улетела прочь.

Оглядевшись, странник не увидел ровным счетом ничего. Те же столбы. Та же пыль. Та же серость вокруг. Он прошел еще тысячу шагов и еще. Но будто что-то останавливало его движение вперед, пока Он окончательно не выбился из сил. И рухнул в пылевой сугроб.

Бывали очень редкие дни в сером мире, когда вечный смог был не таким густым и сквозь крадущиеся облака мелькали маленькие огоньки звезд. Он перевернулся на спину и стал смотреть на них через решетку забрала. Пес лежал рядом и, наверное, спал. Где-то в вышине, пока К'атор просто лежал, одна звезда шла навстречу другой. Свечение их становилось всё сильнее, и вот уже не было ясно, где одна, а где вторая. Озарив вспышкой небосвод, они обе исчезли, оставив только маленькую красную точку. А пыль, как частички этих звезд, сыпалась откуда-то сверху, покрывая тонким слоем его латы и шерсть пса. Или это крошилась на них,

как ломоть черствого хлеба, огромная расколовшаяся луна. О чем Он думал или, может, спал, или, может, снова умер, чтобы возродиться еще раз, как сотни раз до сих пор? Иногда, нервно рыча, пес с закрытыми глазами клал зубы, хватая пылинки, которые щекотали ему нос. Луна светила всё ярче, проникая своим синим светом во все уголки и даже в его мысли.

«Такие, как мы, – звучало в Его голове. – Что бы это значило?»

И Он вновь очутился в том чудесном мире. И опять бежал по мягкой, пушистой траве. Ветер пел в его волосах, насвистывая о чем-то приятном. Солнце одаривало своим теплом. Нежные потоки воздуха гладили его щеки. Ему было легко и уютно. И он знал, что она ждет его и машет ему рукой. Не видел, но знал, что она где-то там: слышал ее нежное пение.

Неожиданно его плечи пронзили острые иглы когтей. Тенью пролетела сверху, сжав его сердце, и выросла перед ним фигура в черном.

– Возвращайся назад! – прокричала она, оглушив его.

Никогда еще раньше Он не просыпался в поту. Пес уже бегал где-то неподалеку, выискивая по запаху след. А в ушах от крика так и продолжало звенеть.

– Не нюхай сильно глубоко. А то еще подсядешь, – попытался улыбнуться через забрало Путник. – Нашел что-нибудь?

Пес удивленно посмотрел на него, словно К`атор сказал что-то необычное, и поплелся вперед. Путник пошел за ним. Но идти дальше стало практически невозможно. И дело было не в усталости. Будто бы стена выросла перед ними. Настолько плотная стояла пылевая завеса. Руки вязли в ней, как в мокром песке. Понимая, что продолжать дальше путь они не в силах, Ладби остановился, тяжело вздохнул и, постояв немного, повернул и пошел в сторону, ведя рукой по туману, оставляя в нем неглубокую борозду. Пес послушно шел следом, понунив голову. Луна плыла где-то позади и своим глазом подсвечивала путь так, что тени от них были похожи на тонкие черные полосы, уходящие вперед в туман. Тысяча шагов. Двойной полумесяц светом рассекал тень Путника на половинки. Пес продолжал тыкаться мордой в плотный смог, пытаясь найти выход. Еще тысяча шагов. Путь в пустоте из ниоткуда в никуда. И лишь еле заметная борозда путеводной нитью бежала параллельно земле. Словно Он еще собирался вернуться или изменить решение. И лишь Пес понимал, что дороги назад нет, и хвостом заметал последнюю надежду на возвращение. Так прошла еще тысяча шагов и еще. Он сбился со счета. Как тут посреди тумана возник огромный каменный дом. Был он похож на старинный замок, только окна в нем отсутствовали, а на побитой черепичной крыше высилась большая печная труба, из которой клубами валил черный дым. Дым поднимался вверх, становясь тяжелыми свинцовыми тучами, за-

крывая и так слабо различимые звезды, окутывая луну, сыпался вулканическим пеплом сверху.

Пес резко потянул Ладби в сторону от этого мрачного здания, пока кто-то не окрикнул.

– Уважаемый! – донеслось откуда-то сзади. – Уважаемый! – вновь послышалось ближе.

К`атор обернулся, и перед его лицом в три прыжка оказался такой же путник, будто совсем не увязая в пыли. Сгорбленный старичок с сухонькими кривыми ручками, лукавой ухмылкой и заискивающим взглядом.

– Уважаемый! Не соблаговолите ли? – указал он на Его пояс. – Вам ведь уже без нужды, раз вы туда. А мне по хозяйству пригодится. А то улетают, черти.

– Кто, они? – указал головой К`атор на сидящих на крыше возле печной трубы стервятников.

– Да что вы, что вы, куда они улетят, они у меня прикормлены. Вон те улетят, – показал он скрюченной рукой на сидевших в пыли странников.

– Как? Куда? – удивился Он.

– А кто их знает, родненьких, – всё так же лукаво ухмыльнулся старичок и продолжал заискивающе смотреть в глаза.

– Ты кто вообще такой?

– Стыдно, молодой человек, меня не знать. А я вот вас знаю. И собачку вашу, – подмигнул старый путник псу, но тот посмотрел неодобрительным взглядом.

– Откуда?

– Так вы ж тут все кругами ходите, ходите. Ходите, ходите.

Не первый раз уже.

– И я тут был? Почему тогда не помню?

– Потому что не хотите помнить. И медальончик свой таскаете, где вы их только берете, – ухмыльнулся он и замолчал.

Глаза его вдруг заблестели, а лицо исказилось.

– Дай сюда! – неожиданно рявкнул старик, резко выпрямившись и протянув руки к поясу.

Пес, до этого наблюдая с явным интересом за происходящим, вдруг спрятался за Ладби, поскуливая и пытаясь сорваться с цепи. А старичок вцепился в пояс и кричал: «Отдай! Отдай!». Стервятники, сидевшие на крыше, поднялись в воздух и, каркая и кружа, смотрели вниз.

К`атор оттолкнул его, но в руках старичка остался пояс.

– Говорю же, без нужды он вам теперь, – снова с ухмылкой сказал старичок, как тут же пара стервятников подхватила его под руки и унесла куда-то вдаль.

Неизменный черный дым продолжал подниматься вверх из трубы.

Опешив, Путник стоял, смотря куда-то далеко несколько десятков долгих вздохов. Или просто думал о чем-то.

– Чего испугался? – очнувшись, спросил Он пса.

Но пес ничего не ответил, только прорычал недовольно.

Они зашагали прочь от странного замка с его не менее странным хозяином. Небо с каждым сотым шагом становилось чище и прозрачнее. Туман рассеивался. Стервятни-

ки уже не выискивали жертву под гнетущим небосводом. Необычным казалось и то, что столбов, которые ранее были натканы, как грибы, в округе не было видно, куда бы ни пал Его взор. Будто все они остались за тем мрачным домом. Пыль исчезала под ногами, не мешая идти и дышать. Пес, словно почуяв свободу, рванул вперед, почти не оставляя следов. К`атор снял маску, обнажив свое серое то ли от пыли, то ли от жизни лицо. Стряхнул с почти седых волос пепел, вытер ладонью щеки и лоб, еще больше размазав грязь на них. И улыбнулся. Где-то высоко в небе светило солнце.

Перед ним возвышалась красивая кованая черная ограда, которая своими боками уходила влево и вправо, куда-то далеко за горизонт. Золотые, но потускневшие, вензеля украшали вершины пик, из которых она состояла. А пики словно вонзались в серебристые облака, нависшие над его головой. Он стоял прямо у ворот, створки которых были приоткрыты. Они были такие высокие, что, наверное, лишь несколько странников разом смогли бы их сдвинуть. Но, едва тронув их, К`атор привел ворота в движение, и они медленно распахнулись. И он пересек эту черту.

Там, за оградой, его уже ждал Пес и весело вилял хвостом.

– Где мы? – спросил его Путник.

– Откуда ж мне знать? Я всего лишь собака, – с языком наперевес сказал Пес и радостно тьякнул, блестя глазами и горячо дыша.

Ладби посмотрел на его радостную морду, посмотрел во-

круг. Яркий желтый свет заполнял воздух, искрясь на редких частичках пыли, долетавших из-за спины. Легкий поток воздуха кружил их и уносил отсюда. Свет слепил Его, привыкшего к вечному сумраку. К'атор закрыл глаза, но свет проникал через веки. Закрыл своими серыми грубыми руками лицо, но свет проникал и сквозь них. Оставалось лишь постепенно привыкнуть к этому нестерпимому сиянию.

Не видя больше ничего, опустив голову вниз от изнуряющих солнечных лучей, медленно пошел Он по сухой растрескавшейся земле. А где-то позади на ней лежала его маска.

Пес обгонял на несколько шагов так, чтобы цепь висела в воздухе и весело побрякивала, звеньями радугой переливаясь на солнце. Не поддерживаемые поясом, латы под своей тяжестью по одной стали отваливаться от накидки К'атора. Невдалеке послышался незнакомый голос. Кто-то говорил... Нет, кто-то пел! С трудом разбирая дорогу, Путник пошел на это чудесное пение, которое то становилось тише, то было где-то рядом. Как будто кто-то играл с ним и постоянно убегал. Вдруг наступила тишина. Он поднял голову и среди яркого света увидел очертания человека. А рядом с человеком стоял Пес.

– Здравствуй, – снова зазвучал этот чудный голос.

– Кто ты? – пытался взглянуться Он в очертания, щуря глаза.

– Важнее, чтобы ты понимал, кто ты, – мелодично сказал голос слепящего света.

– Я знаю, кто я. Я К`атор Ладби! – гневно крикнул Путник, испугав пса.

– Пусть так, – и через белую пелену Он едва разглядел добрую улыбку, такую знакомую. – Пойдем со мной.

Сам не зная почему, Он повиновался. Так они и шли друг за другом: голос, Пес и Он. А следом за ними стелилась дорожка из свинцовых лепестков. Трещины в земле под их ногами становились тоньше, а вскоре и вовсе исчезли. Глаза К`атора почти привыкли к свету: он уже мог разглядеть, что творилось вокруг. И ему это казалось чем-то необыкновенным, чем-то из детских сказок, чем-то, чего не может быть на самом деле. Может, он спит? Может, Пес его так и не разбудил? Пугающие и волнующие мысли роились в его голове. Скольких он бросил там, утонувших в пыли, унесенных стервятниками, таких же, как он сам.

– Не думай о них, – перебил его мысли голос, – ты им не поможешь, пути назад уж нет.

– Почему? – удивился он, но, повернув голову, не увидел ничего, как будто кто-то стер всё, что было раньше.

Теперь его окружало только голубое небо и зеленая трава. А перед ним стояла красивая девушка с нежной улыбкой. И, посмотрев в его широко открытые глаза, засмеялась звонким колокольчиком.

– Ты ведьма? – неожиданно для себя спросил К`атор.

Ничего в облике девушки не было от ведьмы: ни струящиеся светлые волосы, ни почти прозрачные голубые глаза, ни

бледная кожа с яркими веснушками. Она лишь снова весело засмеялась. Как будто ответ очевиден. Ладби лишь сдвинул брови и опустил голову, как нашкодивший отпрыск.

– Устал? – произнесла она с заботой в голосе.

– Еще как, – протяжно сказал Пес, чуть не завывая, заглядывая ей в глаза и подставляя голову под ласковую руку.

– Ну, что ж, тогда пойдем ко мне. Позволишь? – почти пропела она как бы в пустоту, взяла цепь, и та тут же одним концом осталась в ее руках.

Неподалеку встал, крепко оперившись на землю, красивый рубленый ярко-желтый дом с резными окнами. Казалось, от него еще пахло свежим деревом, смола еще выделялась на его поверхности. Солнце искрилось на соломенной крыше, бегая зайчиком по неровной поверхности. Они подошли к дому, и девушка толкнула дверь. Внутри всё лучилось светом и чистотой. В центре разместился большой дубовый стол, покрытый мелкими царапинами. Вокруг были расставлены такие же тяжелые стулья.

– Гости у меня бывают редко, а в последнее время всё реже и реже, – вздохнула она.

– Кто ты? – не успокаивался Путник.

– Как ты меня назвал? Ведьмой? – улыбнулась она. – В чем-то ты прав, – и, отвлекшись, стала суетиться и накрывать на стол.

Он отвернулся и, пребывая в задумчивости, смотрел в маленькое окошко, в котором легкий ветерок гонял по двору

почти зеленый лист, слегка подернутый желтыми прожилками. Никак не мог он подняться ввысь, но и не падал на землю, то дергаясь туда-сюда, то плавно витая по воздуху.

– К столу! – пробудила она его от мыслей.

Взору Ладби предстали богатые яствами золоченые блюда. То тут, то там висели небольшие картины в дорогих рамах, по углам на полу стояли старые вазы из тонкого фарфора, а ближе к центру дома – свечи в длинных бронзовых канделябрах.

– Я долго готовилась к твоему приходу, как видишь, – грусть слышалась в ее голосе. – Хорошо, что ты всё же пришел.

Пес уже сидел за столом, наклонившись вперед, и, хватая лапой хлеб, уминал всё, что было на столе без разбору, иногда опуская свою пасть прямо в блюда и разбрызгивая содержимое в стороны, что явно веселило ведьму. Путник смотрел на него с удивлением и явным неодобрением.

– Что? – твякнул спутник. – Ты-то меня давно кормил? Только взад-вперед водил, – и продолжил уплетать угощения.

К`атор недовольно хмыкнул, но молча сел за стол. Собственно, есть уже было почти нечего, либо там уже побывала чья-то наглая морда, но Он не особо и хотел. Ему не хватало чего-то другого. Чего-то неосязаемого и такого далекого и еле уловимого. Он смотрел на ведьму и пытался вспомнить. Почему-то она будто напоминала ему о том самом за-

бытом.

– Вы же погостите у меня? – с надеждой в голосе сказала она.

– У нас есть дело, – решительно отрезал Путник.

– Какое?

– Убить Дракона.

– Зачем? – взволновалась девушка.

– Да кто ж его знает, – ухмыльнулся Пес, – надо и всё тут! – и ударил единственной рукой-лапой по столу.

– Зачем вам это! Не надо никого убивать! Оставайтесь лучше здесь со мной. У меня чудный сад. Хочешь, покажу? – погладила она пса, вскочила и выбежала за дверь, ведущую во внутренний двор.

«Странная какая-то», – подумал К`атор.

– Да не то слово! – воскликнул спутник. – Но хоть готовит ничего, – и вытер довольную морду.

– Я иногда думаю: «Что нас связывает?», – задумчиво произнес Он, глядя на Пса.

– Так уже ничего, – гиеной хихикнул пес, показывая на остатки цепи, медленно встал и побрел, шатаясь, к выходу.

В открытую дверь дунул свежий ветерок. С улицы запахло весной и сочной травой. И слышался ее смех.

– Иди к нам! – звала она его, весело кружась.

Пес, как угорелый, носился по полянке за домом, нюхая то один цветок, то другой, то пробовал их на зуб, то выпле-

вывал, кривясь. Неохотно Ладби вышел к ним. Всё вокруг было настолько ярким, будто нарисовано грубыми мазками масляной краски. Ему даже показалось, что эта краска может остаться на его серых одеяниях. Потому Он руками отстранял от себя стебли высокой травы.

– Как хорошо, что вы здесь! – звенела она своим голосом. – Без вас тут было всё слишком серо, – и стала что-то увлеченно делать с растениями в саду.

Сад действительно был пышный и красивый, впитавший в себя много времени и сил. Растения выстроились по высоте и цвету. Среди них бегала и летала разная живность, привлекаемая сладкими ароматами. Маленькие разноцветные птички щебетали, сидя на раскидистом старом дубе. Толстый ствол его врос корнями в землю. Они, как его артерии, расползлись по сторонам и кое-где выглядывали из земли. Наверное, этот дуб появился тут еще задолго до этого сада и помнил и создание оно, и знал все тайны его хозяйки. Тайн в ее голове было явно предостаточно: они безуминкой искрились в ее глазах, которые она то и дело вскидывала на К`атора, как ружье. А Пес уже не бегал, а степенно выхаживал на задних лапах с цветком в оставшейся и болтал им из стороны в сторону, словно поэт, придумывающий на ходу стихи.

Путник встал сбоку, опершись рукой о дерево, чувствуя извилистые дорожки в его коре, и наблюдал за этим театром абсурда. За спиной среди шумов листвы, обдуваемой вет-

ром, он услышал журчание. И, оглянувшись, увидел сквозь заросли травы и кустов отблеск от воды. Он шагнул в чашу и пошел по ней, раздвигая ветки деревьев и шурясь от проглядывающего через них солнца. Не пройдя и двадцати шагов, перед ним появился небольшой ручей, бегущий по маленьким камушкам, сверкающим мелкими металлическими блестками. Катор кинулся к нему, упал на колени, опустил в него руки и стал жадно пить, как животное, глотая воду прямо из потока. Иногда захлебываясь, он делал передышку и снова прикивал губами к ручью. Немного успокоившись и отдышавшись, он снял с себя накидку и отбросил в сторону. Так он и сидел на траве возле прохладного спасения, обнажив спину под щекочущие лучи. А по ней бежали узором старые огрубевшие шрамы. Были и мелкие, почти незаметные, другие же тянулись почти от одного бока до другого.

– Раз, два, три... – кто-то коснулся их теплыми пальчиками.

Он вздрогнул и вскочил на ноги. Перед ним стояла маленькая девочка.

– Я не досчитала! – недовольно сказала она, надув губы.

– Ты дочь ведьмы? – опешив от неожиданного вторжения, спросил Ладби, хотя ему это казалось очевидным.

Уж очень они были похожи.

– Какой ты скучный! Одни вопросы у тебя на уме, – буркнула она себе под нос и побежала, перебирая своими ножками в крохотных башмачках.

А подбежав к водной кромке, плюхнулась на мягкую зелень.

«Очень вежливо. Такая же, с придурью», – пронеслось в его голове.

– Грубиян! А еще йицарь, – нахмурилась она и подставила руки под щеки.

«Даже в своей голове не могу побыть один», – молча вздохнул Он.

– Ой, да кому ты нужен. Подумаешь, – девочка не унималась.

Путник подошел к ней и сел рядом и через пару мгновений повернул голову в ее сторону.

– Знаешь, я иду убить Дракона, – начал он диалог.

– Ага. Не убьешь, – уверенно заявила она, увлеченноковыряя веточкой камушки.

К`атор аж поперхнулся от такой мелкой наглости и еще долго молчал, отведя взгляд от нее.

– Он тебя тоже не убьет, – вдруг продолжила она.

– Откуда тебе знать?

– Ты никогда не пытался понять, откуда всё берется и куда всё исчезает?

Ладби задумался. В его краях всё было всегда одинаково. Никто не задавался такими вопросами.

– Что это за камушки? – попробовал Он перевести разговор.

– Лунные... – неохотно ответила она.

– Ноокарт?! – возбужденно воскликнул К`атор. – Мне очень нужен такой камушек! Не могла бы ты мне его дать?

– Н-о-о-к-а-р-т, – по буквам сказала девочка. – А наоборот будет «т-р-а-к-о-о-н». Наверное, правильно всё же «д-р-а-к-о-н»? И зачем вы только слова коверкаете...

Не в первый раз Он замолчал в недоумении, не зная, что ответить всезнающему человечку. Как просто она выворачивала его жизнь наизнанку, словно веточкой разбрасывая остатки прошлого.

– И вообще. Ты слишком много думаешь и слишком мало пйдумываешь. Чересчур часто задаешь одни и те же вопросы и не видишь очевидного.

А он больше не хотел их задавать. Просто сидел, глядя на несущийся поток. И где-то в кроне сидела парочка ярких птичек и увлеченно щебетала друг с другом.

– Что это на тебе? – сказала она после некоторой паузы. – Дай посмотреть! – и потянулась своей ручкой в его сторону.

Он зажал в кулаке медальон, висевший на его груди, но, увидев в ее глазах неподдельный интерес, снял его и дал ей.

– К...А-ТО-Р... ЛА-Д-БИ, – почти по буквам прочитала она. – А что это значит?

– Так меня зовут.

– Даааа? – протянула она и опустила медальон в пузырящуюся воду и что-то долго терла маленькими пальчиками.

– Что ты делаешь? – сказал он ей, увлеченно вглядывающейся в надписи.

– Ой! – вдруг вскрикнула она, бросив взгляд на Путника, подпрыгнула и быстро скрылась в лесной гуще.

– Я отдам его потом!.. – донеслось оттуда, и наступила тишина.

Так он лишился последнего, что связывало его с прежним серым миром. А высоко в кроне продолжали щебетать ярко-масляные птички, словно соревнуясь в исполнении.

– Вот ты где, – недовольно сказал Пес, выглядывая из-за дерева. – Пойдем, хозяйка зовет.

– Где твой хвост? – удивился Путник, смотря, как Пес спокойно ходит на двух лапах.

– А, это... Да Она сказала, что мне без него лучше. Пыли нет, без надобности.

Птички щебетали всё яростнее, приближаясь друг к другу. К`атор встал и пошел обратно по тропе, как вдруг услышал тонкий крик и тут же всё прекратилось. Он обернулся, поднял глаза туда, где только что было щебетанье. Наверху, среди листвы, яркая разноцветная птичка клевала и вытягивала жилы из другой такой же яркой и красочной птички.

«Лучше уж пусть меня Дракон убьет в бою, чем эта птичка во сне», – погрузился Он в мысли.

– Такое тут случается, – ухмыльнулся Пес. – Плотоядные. Хозяйка встречала их на поляне с букетом цветов.

– Я вам уже постелила, отдохните с дороги, – пригласила она в дом.

Уже плохо разбирая обстановку, К`атор зашел и рухнул

на узкую одноместную кровать.

– Это мое место, – услышал он голос Пса, закрывая глаза.

Опять Катор оказался по ту сторону. Но отчего-то не было зеленой сочной травы, не пели птицы, не дул свежий ветерок и не светило весеннее солнце. В глаза сыпался серый пепел. Сквозь серую мглу не было видно дальше вытянутой руки. Крик стервятников разносился вокруг. Страшное осознание настигло его разум: он вернулся туда, откуда смог вырваться. На лице Путника была маска, которую он пытался снять, но не мог. Пальцы вонзались между прутьями забрала, тянули, что есть мочи, но это не давало эффекта. Выдохнув дрожащим горлом, Ладби шагнул вперед и огляделся. Пес пропал, только цепь лежала в пыли. Он сделал еще несколько шагов и наткнулся на что-то твердое. Столб. Резкая боль ударила в грудь. И еще столб. И еще. Столбы стояли, начиная от его ног, и уходили в туман. Никогда ранее Он не видел такого их количества. Туман понемногу стал рассеиваться, пыль оседать. И вот среди столбов стала различима фигура в черном.

– Иди ко мне, – позвала она Путника и поманила к себе медленной черной рукой.

В диком животном страхе Он развернулся и попытался бежать от нее и от столбов. Ноги вязли в пылевых сугробах и заплетались. Он падал, вязли руки. Выбирался и снова пытался бежать. Но не сдвинулся и на десять шагов.

– Ты должен вернуться, – слышалось совсем близко

за спиной, и тут костлявые пальцы схватили его за плечо.

– Ладби! Ладби! – кричал голос. – Ладби! Проснись!

Над ним стояла девочка из леса.

– Аа.. это ты, воровка, – выдохнул Он облегченно, прикрывая полные ужаса глаза. – Медальон где?

– Всё тут, я же сказала, что верну, – заулыбалась она и протянула ему объемный конверт. – Там письмо. Его очень нужно пейедать.

– Кому еще?

– Тому, к кому ты идешь.

– Да черт с тобой, давай сюда, – схватил Он конверт и засунул в одеяния. – А где медальон?.. – произнес Путник, но, подняв голову, уже не увидел ее.

По дому ходил Пес, держа в руке метелку и смахивая пыль то со стола, то со стоявших ваз.

– Проснулся, а я тут по хозяйству помогаю, – Псу будто было неловко.

– Это что у тебя в лапе? Твой хвост?

Пес ничего не ответил, лишь отвел взгляд.

– Нам пора идти, – тяжело сказал Ладби.

– Ты знаешь... я тут подумал, – замялся Пес, – в общем, я хочу остаться.

– Мы же всегда были вместе, – Путник чувствовал, что теряет частичку себя.

– Ну, так цепь была, куда бы я делся, – виновато сказал Пес и, потупив глаза, продолжил увлеченно сметать пыль.

Покачав седой головой, Путник встал и шаткой походкой вышел из дома. Полянку освещало неизменное солнце.

«Оно тут выключается вообще?» – ворчал Он в мыслях.

Ведьма сидела возле цветов и подстригала им листья.

– Мне пора идти.

– Пойдем, – в задумчивости продолжала она стричь листья, – в лесу был?

– Мне нужно уходить, у меня есть цель.

– Как? – поняла происходящее девушка. – А я?

Ничего не сказав, К’атор пожал плечами и зашагал в сторону леса, туда, где, как ему казалось, ждало продолжение его пути.

– Стой, – закричала она и упала на колени.

Он почувствовал, как его цепь натянулась.

– Пусти, – посмотрел он в ее глаза, но она настойчиво и крепко держала цепь двумя руками, – с тобой остался Пес, береги его, он тот еще пылесборник, – в этот момент цепь провисла и осталась в ее руках, а Он развернулся и пошел в лес.

– Ненавижу тебя! – в ярости кричала она ему вслед, звеня цепью. – Предатель! Пусть он тебя сожрет! Он таких дураков любит!

Сделав несколько шагов и подойдя к ручью, он обернулся. Где-то там, за зарослями травы, виднелся покинутый дом. В черных его покосившихся стенах стеклянными зубами оскалились окна, крыша просела и осыпалась. А перед

ним на поляне, заросшей уже высохшим сорняком, на том месте, где только что была ведьма, стояла пожилая женщина и смотрела ему в след. Такая знакомая, словно он видел ее сотни раз, словно она приходила ему во снах.

Ручей уже скрылся позади, но сердце его сжималось всё сильнее, а в глазах так и стояла она, в чьих руках блестел остаток цепи, а на устах была та же добрая улыбка. Борясь с собой, раздвигая ветви наступающих деревьев, Катор углубился в лес.

Поначалу среди листвы проглядывало солнце. Но чем дальше шагал Путник, тем больше кроны деревьев сгущались в вышине. Стволы их плотнее прижимались друг к другу, образуя дорогу, по сторонам которой они стояли. Ветки хлестали его по щекам, сорняки резали босые ноги. Но он продолжал идти.

«Куда я иду, – думал Он, – вдруг там и нет ничего. И дракона нет. А если есть? Чем я его убью? Ни меча, ни ноокарта. Доспехи растерял. Ничего больше нет. Даже зубов на цепи больше нет. Чертов блоховоз. Ладно, еще прибежит за мной, как надоест уборщицей работать, – очередная ветка хлестанула его больно по лицу, оставив красный след. – Аааа!» – закричал он и остановился.

Вокруг было темно, как ночью. Свет еле пробивался через темно-зеленую гущу, давая серые размытые тени от стволов и путника. По бокам импровизированной дороги мелькали слабые огоньки, похожие на светлячков, синие и красные.

Высоко в ветвях сидели птицы, но не те разноцветные птички. Правда, разглядеть их отчетливей не получалось.

«Какие странные звезды», – подумалось ему.

За ним, перед ним, кругом перемежались тени то ли от деревьев, то ли от чего-то еще. Он не придавал этому значения. Идти по лесу было куда проще, чем по полю из пыли, поэтому он торопился пройти его поскорее. Мельтешение из огоньков по бокам становилось всё отчетливее, может, быстрее шел он, а может, двигались они, но свечение их становилось ярче. Он просто шел вперед, единственное, что он умел делать, стараясь не думать ни о чем. Иногда ветви касались его плеч своими сухими отростками-пальцами, одергивая, чтобы он обернулся. Но позади был такой же лес, как и впереди. Лишь больше ярких точек возникало там, куда он направлялся. Очередная ветка дотронулась до его плеча.

– Дальше нельзя, – послышалось из-за спины.

Холодок пробежал по его коже снизу вверх до самого затылка, перескакивая шрамы. До жути знакомый голос. Оцепенение сковало его тело, не давая пошевелиться. С дрожью он закрыл глаза, не желая оборачиваться, словно это спасет его от находящегося совсем рядом, в полушаге.

– Ты опять меня не послушал, – раздалось в тишине леса.

Не показалось ли ему? Он знал этот голос. Отпрыгнув, Катор с тревогой посмотрел назад. Но там стояли только деревья. Щурясь, путник вглядывался в сумрак.

«Померещилось», – только подумал он, как одно дерево

сделало шаг навстречу.

– Пойдем назад, – потянулось оно к нему своими сухими сучьями.

Пот побежал по спине Ладби навстречу новой волне страха. Это было не дерево, как привиделось ему сначала. Это была фигура в черном.

– Что тебе от меня надо? – взволнованно спросил Он.

– Ты, – и черная костлявая рука потянулась к нему.

Инстинктивно К`атор отбил протянутую к нему руку и бросился бежать, куда глаза глядят. Хотя никуда они не глядели. Пелена животного ужаса туманом застилала ему возможность видеть и трезво рассуждать.

«Этого не может быть. Это какой-то сон», – заплетались мысли в его голове, как и ноги путались в высокой траве.

Но он продолжал бежать, а вместе с ним по бокам бежали и деревья, всё интенсивнее мелькали огоньки, а над его головой летела чья-то тень. Вдруг одно из деревьев из темноты выросло прямо перед ним, и К`атор, со всего маху врезавшись в него, упал на землю.

Вспышками пережитого его сознание пыталось осмыслить происходящее. Серая мгла, стервятники и погибающие в пыли путники и луна. Вспышка. Яркий свет и чувство блаженства. Ведьма и маленькая всезнайка. Вспышка. Фигура в черном и страх. Калейдоскоп событий кружился без остановки, сменяя картинки друг за другом.

– Вставай, – вытащил его из забытья голос.

Ладби поднял веки. Перед ним в паре шагов стояла Тень, старая знакомая.

– Слушаю, – чуть приподнявшись, обреченно сказал Путник.

– Сейчас мы пойдем обратно, чтобы ты вернулся туда, откуда убежал, – продекламировала Тень.

К`атор огляделся. Вокруг стоял всё тот же лес из плотно стоящих деревьев, а между них горели знакомые огоньки. Но теперь стало очевидно: это не просто огоньки. Это были глаза. Голодные и обозленные глаза стаи псов. У одних они были ярко-синие, как погибающая луна, у других же сочно-красные, как свежая кровь. На шеях их висели ржавые цепи, чуть касаясь земли.

Опираясь на руки, Ладби встал, выпрямился и посмотрел в сторону фигуры.

– Я больше не боюсь тебя, – с хладнокровным спокойствием произнес Путник.

В этот момент фигура ринулась на него, словно летя по воздуху, выставив свои костлявые черные руки вперед. Но в этот раз Он не отстранился, даже не отвернулся, а лишь стоял и ждал, когда она приблизится.

«Обойдемся без блоховоза», – только подумал это Ладби, сжимая кулаки, как глаза его засверкали, оскалились клыки, и Он бросился на Тень.

Но она тут же исчезла. И появилась опять в шаге от прежнего места. Только Он пытался схватить ее, как она то рас-

творялась в воздухе, то взмывала птицей вверх и кидалась на него сверху. Псы с необычными глазами, стоявшие по сторонам, не вмешивались, но наблюдали с кровавой алчностью, предвкушая скорую гибель и сладкое угощение, мотали головами от возбуждения, звеня цепями, и облизывали зубастые пасти.

– Тебе не победить, – летала Тень вокруг него, не позволяя себя поймать.

– Тебе тоже! – кричал он в ярости. – Тебе тоже!

– Ты просто не понимаешь, – зависла она над ним, – я уже давно победила. Твоя жизнь уже давно принадлежит мне, и я держу ее в своих руках.

На этих словах она стала расти, заслоняя собой и так почти неразличимый свет, и опускаться на него. Он закрыл руками голову и стал слушать стук своего сердца. Но, как ни был он удивлен, ничего не произошло. К`атор опустил руки, но больше не видел ее нигде.

«Она исчезла? Я всё-таки победил? – задавался он вопросами. – Я победил ее?» – словно, спрашивал он у немых зрителей.

Поозиравшись по сторонам, постояв так какое-то время, он решил продолжить путь. Но не прошел К`атор и сотни шагов по бурелому, как почувствовал дуновение ветерка. Всё отчетливее падали лучи с вершин деревьев, стволы которых постепенно расступались. И вот их не стало совсем. Выйдя из леса, Путник слышал лишь отдаленное жалобное за-

вывание раздосадованных голодных псов, больше похожее на плач: «Уииии—иииуууу—уиии—иииууу».

А за лесом дул не ветерок. Это был почти ураган, сносящий слабого с ног, кружащий птиц в хороводе и возвращающий их обратно. Воздух, будучи абсолютно прозрачным, просматривался далеко. Ни солнца, ни луны в небе не было, однако светло было и без них.

«Куда мне теперь идти? – подумал Ладби и ответил сам себе. – Вперед, как и раньше. Только вперед».

С каждым шагом ветер только усиливался. Он шел, полувотвернувшись, вытянув одну руку вперед, будто двигая что-то перед собой. Шаги его становились всё медленнее. Катор боялся, что скоро ему уже не хватит сил, чтобы идти дальше. Но наплывающие воспоминания давали ему энергию, и он делал новый шаг. Огромный темный лес отдалялся и делался меньше, пока не превратился сначала в пятно на горизонте, а потом и вовсе исчез. Теперь Он действительно остался один посреди пустоты, окруженной вихрем. Под ногами его тоже уже не было ни травы, ни камней, ни тени. И всё, чем Он сам стал сейчас, это стремление достичь своей последней цели. Упав на колени от усталости, Путник оперся на руки и так, по-собачьи, продвигался через режущее кожу лезвие воздуха. Слезы пеленой стояли в его глазах, поэтому он просто двигался, как и привык раньше, направляемый своим сердцем. Линия горизонта прочерчивалась ясно и четко. Это единственное, что путник мог разобрать. Еще чуть-чуть

и Он уже сможет дотянуться и коснуться ее рукой.

Но вдруг всё стихло. Почти сбивший К`атора с ног ураган растворился в окружающем пространстве. Он почувствовал, как его рука неожиданно куда-то провалилась. Схватившись второй рукой крепко за землю, обессиленный и изможденный, он сел и вытер ладонями глаза. Перед ним всего в шаге чернела пропасть, уходящая вниз настолько глубоко, что dna ее нельзя было различить.

– Неужели это конец? – сказал он вслух, смотря вниз.

– Для тебя нет, – послышался за спиной знакомый голос.

Ладби закрыл глаза от сожаления.

– Где Дракон? – спросил он, не поворачиваясь.

– Ты еще не понял? Ты уже поверг его, – и, немного помолчав, добавила, – я знаю, тебе кое-что передали. Прочти.

Ошарашенный, Путник достал из оставшихся на его теле одеяний помятый конверт, вскрыл и стал вглядываться в почти забытые буквы на бумаге.

– О! – первый раз за прошедшее время удивленно воскликнул голос. – А это, видимо, для меня, – сказала Тень и подняла с земли выпавшие из конверта мелкие камушки, – ммм... мятные, – и положила их себе в рот. – Она знает, как я их люблю.

Не обращая на это внимания, он продолжал читать. Далеко запрятанные в память обрывки резали ножом его разум. Всё, что было когда-то в его руках и всё, что он этими руками уничтожил. Настоящая жизнь. Слезы стояли в его глазах,

словно от ветра.

– Я могу что-то изменить? – с надеждой спросил Он.

– К сожалению, это мне не подвластно, – ответила она с заботой в голосе, – но за победу над своим Драконом ты заслужил награду.

Теперь ему всё стало ясно. Он сразил самого страшно-го чудовища в его жизни, которым был сам. Путник закрыл глаза, и крупные слезы скатились по щекам. Тень положила свою черную руку ему на плечо и сказала: «Пора». Игривый легкий ветерок поднялся из пропасти и принялся сдувать пыль с тела Ладби. Он улыбнулся, почуяв что-то. А пыль так и слетала, кружа вокруг него, образуя небольшой ее столп, закрывая Путника от взора. Пылевой вихрь оторвался от земли, приобретая форму конуса, сужающегося к низу. Ширясь и удлиняясь, он становился прозрачнее и прозрачнее, постепенно замедляясь. Пыль, уносимая им, шелестела всё тише. И вот, наконец, он растворился совсем. Лишь безбрежная пустота была неизменна.

Мгла покинула город, придя в него всего на несколько мгновений. На каменные стелы легли лучи утреннего солнца, подсвечивая короткие высеченные надписи на их поверхности. А среди них, полунаклонившись, стояла и о чем-то разговаривала с одним из столбов одинокая пожилая женщина, глядя рукой его пирамидальную вершину.

Возле черного каменного дома суетился старичок и поправлял истертую табличку на его фасаде. Время не пожале-

ло ее, едва сохранив надпись. Казалось, что первая «К» отстояла от других двух слов. Но присмотревшись, можно было различить, что часть букв просто сделалась не так заметна, как остальные. И подойдя ближе, взору открывалось истинное значение.

Сегодня было тихо. Из трубы не валил черный дым. «**Крематорий кладбища**», как значилось на здании, замер, ожидая новых путников. Лишь кованые ворота поблескивали своими мрачными пиками, отделяя два мира друг от друга.

А там, где-то в городе, с восходом солнца в одном небольшом уютном доме раздался детский плач. Радостный плач новой жизни.

# Телескоп

Задумывались ли вы когда-нибудь о других мирах? О полете к далеким звездам, оторваться от обыденности, оборвать все концы? Вдруг тот мир лучше и чище, вдруг там можно найти свое счастье или хотя бы покой? Неужели нет? Ну, хоть смотрели на эти огоньки в небе? Ах да, это скучно. Вот и никто тут не думал о таком. Всех всё устраивало. Ходили на работу с одинаковыми приветливыми улыбками. Делали на ней ровно то, что требуется. И возвращались обратно смотреть телевизор под ужин. Всё было по плану. Казалось, что скоро наука шагнет чуть-чуть вперед, и люди будут знать дату своей смерти, чтобы еще лучше распланировать жизнь. С детства его приучали встраиваться в систему. Говорить, что от него ждут. Приветливо улыбаться. Не конфликтовать. Желательно вообще проявлять поменьше эмоций при посторонних. Это нехорошо. Это неправильно. Вдруг что подумают о тебе. А это может повлиять на дальнейшую карьеру и вообще на всю жизнь. И тогда к чертям все планы.

– Фил, – заботливо говорили ему в детстве, – учись быть в системе. Это очень важно.

И со временем он научился. Вроде. Он старался не обращать на это внимание, не слушать свое нутро, а просто плыть по течению среди таких же, как он. Ходил на свою, ну, очень увлекательную работу. Это единственное, что отвлекало его

от лезущих куда не следует мыслей.

Фил Лоун, как значилось на его бейджике, был обычным инженером среди миллионов других инженеров. Винтик в огромном механизме. Но этому винтику очень нравилось крутиться. Он находил в этом особое удовольствие. В мире победивших компьютерных технологий Фил был довольно значимым специалистом: ему поручили настраивать сгибание руки у человекоподобного робота. Всего процесса он не знал, да не особо и интересовался. Говорят, никто и не был в курсе полного цикла. Сборку роботов давно уже автоматизировали, люди лишь помогали настраивать их по своему подобию.

Они были уже повсюду: в магазине, на почте, в полиции, роботы-врачи, роботы-пожарные. На основании решений компьютеров судили людей, создавали законы и следили за их исполнением. Главный суперкомпьютер помогал правительству решать проблемы, решал, что показывать по новостям, какие передачи ставить в эфир. Лоун был лишь частью этой системы. Не он так решил, решили за него.

Свободное время он проводил, как и большинство, за просмотром новостей и научных передач. Да другое и не показывали. И чтобы уж совсем не скучать от очередной победы в роботостроении и компьютеризации общества, как говорили по ТВ, продолжал работать и дома. Дополнительную оплату он за это не просил, но и, попросив, не получил бы. В этом он находил свои плюсы: ведь он мог изу-

чать что-то еще помимо своих основных обязанностей. Он почти разобрался с кистью роборуки. Но пальцы ее всё никак не хотели двигаться синхронно. Он уже был готов взять скальпель и вскрыть свою руку, чтобы убедиться, не ошибался ли в чем-нибудь, но что-то его всё же останавливало. Зато, пожертвовав своей рукой, он бы сильно продвинулся по карьерной лестнице, стал бы более уважаем. Но скальпель в нерешительности продолжал лежать на столике уже не первый месяц.

А когда наступала ночь и на небе появлялись яркие точки света, доходившего тысячи и миллионы лет, он просто ложился спать. Точнее ложился, закрывал глаза и снова открывал их. Всё. Ничего больше между этими событиями не происходило.

Открыв глаза в то утро, опять за пару минут до будильника, он какое-то время смотрел в потолок. До его носа донесся запах кофе и горячей булочки.

– Слава компьютерам, – сказал он вслух, будто его кто-то услышит, и поплелся на кухню.

Нет, на кухне не было любящей жены или девушки, на худой конец. Да и зачем она нужна? Кофе готов, булочка ароматно пахла маслом и ванилью. А лишние разговоры ему были без надобности. В автомобиле он тоже не нуждался: до работы добирался на автобусе. Куда-то еще он не ездил. Такое однообразие его вполне устраивало. Как устраивало и всех, кого он знал. А выделяться из толпы нехорошо и нерацио-

нально.

Придя в свой уютный рабочий загончик, он обнаружил на столе конверт. Загончики равными квадратами, похожими на клетки, поделили несколько гектаров площади офисной зоны. То тут, то там что-то жужжало и скрипело, слышались голоса – короче, обычный рабочий шум, к которому он давно привык и не вслушивался в него. Сосед слева, как там его – Дан или Дин – о чем-то негромко говорил сам с собой. Постоянно. Сводящее с ума бормотание. Иногда хотелось двинуть ему по башке чем-нибудь тяжелым, но из тяжелого были только руки роботов, а их стоимость вычли бы из зарплаты. Это останавливало Фила. Нерационально терять деньги из-за такой ерунды, не так ли? Других «одноклеточных», как называл их в шутку, он вообще не знал. Иногда одних соседей по какой-то причине сменяли новенькие, сначала озирающиеся по сторонам и пытающиеся с кем-нибудь поговорить или просто задать вопрос, но через пару дней точно так же опускали голову куда-то вниз, к своим делам, и больше их не было видно и почти не было слышно.

Он взял конверт, на котором значилось «Лично». Обычно в таких конвертах приходили всякие неприятные уведомления, например, об увольнении или о переводе на должность уборщика в связи с некачественным исполнением обязанностей. Глазами он искал страшное слово. «Фух, – подумал он, – главное, не уборщик». «Тррррынь», – омерзительно зазвонил телефон на его столе.

– Эмансипиль Фригги, – раздался в трубке противный голос тетки из отдела кадров. – Вы получили письмо?

Черт, как его можно было не получить, она же явно сама принесла его своими толстыми ножками.

– Да, читаю, – скрывал раздражение Фил.

– По анкете, которую вы заполнили на прошлой неделе, вам подобран соответствующий кандидат, – продолжал зудеть противный громкий голос.

«Да можешь ты говорить тише, я не страдаю тугоухостью», – думал он. Но сказал лишь: «Хорошо, я вас понял», – и с радостью стукнул трубкой.

«Какая анкета? Не та ли, которую я еще принял за очередной психологический опросник на выявление суицидальных наклонностей среди работников? – размышлял Лоун. – Я же там от балды что-то понаставил», – и стал вчитываться в уведомление.

«На основании ваших предпочтении и взаимной дополняемости субъектов главным компьютером принято решение: *такого-то числа в такое-то время* вы обязаны явиться в Зал Свиданий для взаимного знакомства и обмена информацией».

– Лучше уж уборщик... – буркнул он зачем-то вслух.

– Что? – послышалось из-за стенки.

– Дин... Дан... Не отвлекайся от работы. Я в твоём разговоре третьим быть не хочу.

«Какие я тогда указал предпочтения? Рост, вес, цвет глаз?

Что я там писал вообще? – и посмотрел на дату. – Ну, конечно, это еще и послезавтра. Раньше принести никак нельзя было. А, может, я что-то запланировал».

Разного рода анкеты были частым явлением. Собирали данные почти обо всём. Он давно заполнял их, не задумываясь, лишь бы скорее вернуться к работе.

Оставшийся день прошел непримечательно. Одна рука сменяла другую. Он совершал уже почти машинальные действия: тут подкрутить, тут нажать кнопки, выставить переключатели. Ко всему даже самому сложному со временем привыкаешь.

Следующим утром он проснулся подавленным. Снилось откровенная чушь. Первый раз что-то приснилось и такое. Словно он лежит в какой-то узкой коробке, не пошевелиться. Темно. Становится душно. И кто-то мокрый и неприятный копошится вокруг его тела. Брр. Его аж передернуло, когда он вспомнил свой сон.

Снова кофе и ароматная булочка. И вот он уже трясется в автобусе, согреваемый изнутри завтраком. Не делая акцент на происходящем, многое уплывало из его воспоминаний, а что оставалось, было, как в смонтированном кино.

За окном бежали столбы освещения, которые он всё пытался сосчитать, дома, приветливые, одинаково улыбочивые люди. Проносились мимо редкие автомобили. Так он смотрел несколько минут, потом переводил взгляд внутрь автобуса и привычно, больше от скуки, чем от увлекательности

сего процесса, принимался за расчеты: площадь пола автобуса за вычетом сидений и ступеней, объем воздуха в автобусе за вычетом объема пассажиров, общий вес пассажиров, площадь на каждого из них и прочую ерунду. Эти свои подсчеты он проводил уже не одну сотню раз. Но заняться было нечем, а мозг надо чем-то нагружать, чтобы он не начинал копать-ся сам в себе. Потом Фил принимался и за самих пассажиров. Эта часть ему нравилась больше всего, так как всё-таки пассажиры были разные, поэтому он оставлял это на десерт. И если бы его мозг имел рот, то сейчас тот обязательно пустил бы слюнки. Вот какой-то мужчина в сером пальто с седыми волосами и тусклыми глазами. Вес его немного превышал норму, одно плечо ниже другого, видимо, от таскания грузного чемодана в той руке. «Командировочный», – сделал вывод Лоун. Вот мальчик и девочка в одинаковой школьной форме, по последнему требованию компьютера оба в брючных костюмчиках. Кажется, их улыбки и взоры, направленные друг на друга, еще были неподдельными. Вот спиной стояла какая-то тетка, по форме больше напоминающая грушу, стоявшую на толстых ножках, и что-то яростно набирала в своем переносном коммуникационном устройстве, называемом по-простому «коммуникатор».

– Алло, – сказала она противным скрежещущим голосом в коммуникатор, и тут Фил узнал эту каплевидную фигуру, – я всё устрою.

Встав со своего места, он поторопился углубиться в са-

лон от неприятной Фригги. Он не мог четко сформулировать, чем она его так раздражала, ведь ничего явно плохого ему не делала. Но есть такие люди, от которых просто хочется находиться подальше, еще дальше, где-то очень далеко, лучше на другом континенте вообще. Жаль, их на планете было всего два, и на том стояли жуткие холода. Мимо него скользили чьи-то серые лица с еле натянутой улыбкой, как будто ее им приклеили, а их пустые глаза смотрели куда-то вдаль и не выражали ни тени мысли. Тут же в автобусе стояли и роботы, которым по служебной необходимости нужно было перемещаться по городу. С каждым годом их делали всё совершеннее. Блестящие металлические тела стали покрывать специальным составом, очень напоминающим человеческую кожу. Движения настраивали всё более плавными, без механических рывков. Появились и некоторые зачатки мимики. Задев однажды плечом такого робота из новой серии, Лоун даже сказал «извините», но вовремя понял, что ошибся. Перед железкой нечего раскланиваться. Всё-таки это были не люди. Какая-то незримая черта еще оставалась между теми и другими.

Он шел дальше. И в конце автобуса, среди этих безликих людей и машин увидел ее. Очередной мимолетный пассажир. Но за нее зацепился его взгляд. Что-то было в ней необычное. Черт возьми, да в ней всё было необычно. Как будто она прилетела с другой планеты или из другого времени. Какая-то старушечья юбка до колена. Кто вообще сейчас

носил юбки? Разве что в музее можно увидеть или, опять же, на редких старушках. Одета она скромно, но опрятно. Волосы чуть ниже плеч красиво уложены, а выбивающаяся прядь волос прикреплена заколкой за ухом. «Непрактично...» – подумал Лоун, но взгляда не отводил. Он уже прикинул ее рост, вес, длину волос и соотнес их между собой. «Неправильные пропорции», – подытожил он в голове свои прикидки. Она была далеко не идеальна. Но Фил Лоун продолжал смотреть на нее, пытаясь запомнить ускользающие черты. Казалось, свечение исходило от ее русых кудрей. Пробегаящая реальность за окном стала уже ему безразлична. Его, словно гравитацией, тянуло к ней. Возможно, он бы и подошел, набравшись храбрости, но она внезапно посмотрела на часики на своем тонком запястье, быстро схватила свою сумку и выбежала из автобуса, оставив за собой в воздухе шлейф из цветов. Он закрыл глаза и вдохнул глубоко носом.

Некоторое время он стоял в забытьи, выбрав точку на чьем-то плешивом затылке.

«Моя остановка!» – очнувшись, увидел он знакомую обстановку и спешно покинул автобус.

Спрыгнув со ступеньки, он по щиколотку провалился в какую-то выбоину, заполненную грязной водой. Медленно вытащив оттуда ногу, с каменным лицом пошлепал ей по дороге к предприятию, оставляя за собой мокрые следы.

– Не бормочи, – «поприветствовал» он коллегу, заходя в клетку. И добавил про себя: «Придурок».

В клетке его уже ждала партия рук, которые нужно было отстроить. Взяв первую и повертев перед собой в задумчивости, Фил подключил ее к интерфейсу. Четкими, быстрыми движениями пальцы вбивали команды, строчки бежали по дисплею.

«Настройка окончена. Дисконнект», – звучали оповещения интерфейса.

Следующая рука. «Дисконнект». И еще одна. И снова строчки бежали перед его глазами, сливаясь в сплошной фон. Он, привыкший к однообразным действиям, давно перестал вчитываться в них, плывущих зеленой волной по черному фону.

«Ошибка!» – завершал интерфейс.

Пальцы продолжали по привычке вбивать команду за командой.

«Ошибка! Остановить работу!» – верещал интерфейс.

«Что за черт? – удивился Лоун, а пальцы его, скрючившись в ожидании нового ввода, зависли в воздухе. – Как это возможно вообще?»

Казалось, что из всех загончиков встали инженеры и смотрели на него, как на идиота. Хотелось провалиться сквозь все этажи прямо в подвал, а там забраться в какую-нибудь норку и не высовываться. Еще пару минут он сидел с приподнятыми руками, вжатой в плечи головой и полузакрытыми глазами и ждал кары небесной или, в крайнем случае, кары начальника. Но нет. Ничего не произошло. По сторонам про-

должало что-то жужжать и скрипеть. Сосед слева всё так же увлеченно бормотал. Было ощущение, что он еще и отвечал сам себе.

«Совсем крыша поехала», – резюмировал Фил.

Привстав и заглянув поверх перегородок, он окончательно понял, что никто ничего и не заметил.

«Интересно, а если бы я просто свалил домой сейчас, кто-нибудь увидел бы?»

Не зная, как исправить ошибку, так как этого ранее с ним никогда не случалось, он решил пока отложить брак в сторону и продолжить настраивать следующие детали. Теперь он уже усиленно концентрировался на процессе, не давая разыгрываться воображению. И хоть процесс стал идти заметно медленнее, вроде всё наладилось. Он даже выдохнул от облегчения.

На обратном пути он ехал, как и всегда, в том же автобусе. Снова заниматься расчетами ему почему-то не хотелось. Он медленно прошел в конец салона мимо всё тех же серых лиц. Потом вернулся в его начало. Посмотрев внимательно вокруг, снова совершил променад до конца автобуса. Нет, лучезарной девушки он не нашел. Хоть он и понимал, что шансы невелики, но вероятность ведь существовала.

«Какой-то дурацкий день», – расстроился немного Лоун.

Дома его ждал разогретый ужин и любимые новости.

«Новости робототехники, – объявил железный диктор. – Сегодня стало известно, что нашим инженерам удалось раз-

работать лица роботов, полностью имитирующие человеческую мимику! Теперь роботы станут еще совершеннее, чтобы соответствовать всем потребностям наших граждан».

– Какое счастье! А ушами они шевелить умеют? – съехидничал Фил. – Нет? Недоработочка. Я вот умею, – и вырубил телевизор.

«Да, дурацкий день, – подумал он в постели, закрывая глаза. – Собственно, как и все дни до этого».

Ничем непримечательное утро следующего дня не огорчило его, но и не воодушевило. Девушку он больше не видел и за это стал на нее злиться.

На работе полдня разбирался в огромной инструкции, раскидав бумаги по столу и полу, как сумасшедший, выискивая ошибку. Ближе к обеду, погребенный заживо под кучей бумаг, так и не найдя своей ошибки, он услышал тяжелый цокот низких, но широких каблучков, так похожих на копыта.

– Фил Лоун? – раздалось из проема, в котором показалась женщина-груша.

– Там есть табличка, а на мне бейджик. Как вы думаете? – и он продолжил копошиться в инструкциях.

– Фил Лоун! Сегодня вы должны явиться на свидание по направлению от главного компьютера! – дребезжаще голосила она.

– Да? А сегодня какое число?

– Не надо шутить со мной, Фил Лоун! Если вы не явитесь на свидание, вам будет вынесено предупреждение, а из зар-

платы вычтут премию. Всего хорошего! – рывкнула Фригги, швырнула конверт ему на стол и поцокала куда-то дальше задрав свой картошечный нос поверх перегородок.

Теперь он вспомнил, чем она так его раздражала. Иступленный бесконечными поисками решения проблемы, он сел в кресло и стал вертеть в руках неработающую руку. Погрузившись в мысли о предстоящей совсем ненужной ему встрече, он то сгибал ее в локте, то загибал ей пальцы. Нерационально было терять деньги из-за такой ерунды, решил он. Отставил брак в сторону и стал разбирать бардак в своем загоне. Так незаметно и совершенно бесполезно наступил вечер. В его клетке накопилась гора рук, которые требовалось настроить. По топоту спешащих «одноклеточных» он понял, что пора и самому топать домой. Но лежащий конверт напомнил о неизбежной неприятности. Надев куртку, он взял уведомление, на котором значилось, к его удивлению, довольно милое имя «Брин Дитх» и вышел из загона, на столе которого стояла роботизированная рука, сжатая в кулак. Хотя нет, это был не совсем кулак. Средний ее палец не был загнут.

«Зал свиданий» представлял собой обычный ресторан, цель которого – устраивать свидания «вслепую». Он сел за указанный в уведомлении пустой столик. Фил уже бывал тут пару раз еще до анкетирования. Тогда ему везло, девушкам он не нравился, и они быстренько заканчивали эту тягомотину. Уверенный, что в этот раз будет нечто аналогич-

ное, он сидел расслабленный, попивая минералку из высокого стакана и смотря на убранство помещения. По залу были расставлены небольшие круглые столики, рядом с которыми противоположно стояло по два стула. Повсюду было белым-бело, а приглушенный свет давал от объектов мягкие тени. Меж столами по длинному проходу шла девушка. Не заметить ее в этом блеклом месте было сложно, слишком уж она с ним контрастировала: ее черные короткие волосы и яркие красные губы приковывали к себе всё внимание не только его, но и окружающих мужчин. Медленно попивая пузырящуюся солоноватую жидкость, он всё думал, кому же так повезло. Девушка прошла почти весь зал и мимо его столика.

«Неудивительно», – подумал он, как вдруг эта девушка резко развернулась и села перед ним.

– Перепутала, – констатировала она, опускаясь на стул. – Брин Дитх, – и протянула ему ручку с накрашенными черными маленькими ноготочками.

– Фил Лоун, – пожал он висящую в воздухе ручку в ответ под завистливые взгляды других пришедших.

Изнутри распирала гордость, будто он выиграл в соревновании или убил крупного хищника, а теперь стоял рядом с ним, держа в руке ружье и одной ногой опираясь на тушу. Во всяком случае, Фил сидел, выпрямившись, будто проглотил кол, и не мог сдержать довольную ухмылку. Девушка это чувствовала и искрилась уверенностью. Он сделал гло-

ток из стакана, дабы смочить горло.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.